

**Алексей Михайлович
Жемчужников
(1821—1908)**

ПАМЯТИ ШЕНШИНА-ФЕТА

Он пел, как в сумраке ночей
Поет влюбленный соловей.
Он гимны пел родной природе;
Он изливал всю душу ей
В строках рифмованных мелодий.

Он в мире грезы и мечты,
Любя игру лучей и тени,
Подметил беглые черты
Неуловимых ощущений,
Невоплотимой красоты...

И пусть он в старческие лета
Менял капризно имена
То публициста, то поэта, —
Искупят прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета.

1892, Стенькино

СЕБЕ

В родной семье певцов почтен не будешь ты
Ни шумной славою, ни славой долговечной;
Но ты оставишь след возвышенной мечты,
И скорби искренней, и думы человеческой.

1893

ПАУЗА

Морозный, тусклый день рисует предо мной
Картину зимнюю красы необычайной;
Покрытый инеем, недвижим сад немой.
Он замер, весь объят какой-то белой тайной.

Движенья ищет взор, переходя вокруг
С предмета на предмет; но тщетно: сад не дышит;
И, силясь уловить хоть мимолетный звук,
Слух напрягается, но ничего не слышит...

1893, Стенькино

С ГОР ПОТОКИ

Весна, весна — по всем приметам,
Куда теперь я ни взгляну;
Весна с улыбкой и приветом...
Затем жить стоит в мире этом,
Чтоб видеть русскую весну!

Повсюду жизни дар небесный
Нисходит радостно к полям, —

И в то же время повсеместно
Все о страданиях смерти крестной
Великий пост вещает нам.

То в мир земной, то в идеальный
Мечты уносятся мои,
Когда, под благовест печальный,
В лучах весны первоначальной
Журчат веселые ручьи.

1893, Стенькино

ЛЕТНИЙ ЗНОЙ

Блестящ и жарок полдень ясный,
Сижу на пне в лесной тени...
Как млеют листья в неге страстной!
Как томно шепчутся они!

О прошлом вспомнил я далеко,
Когда меня июльский зной,
Струясь живительным потоком,
Своей разнеживал волной.

Я с каждой мошкой, с травкой каждой,
В те годы юные мои,
Томился общею нам жаждой
И наслажденья, и любви.

Сегодня те же мне мгновенья
Дарует неба благодать,
И возбужденного томленья
Я приступ чувствую опять.

Пою привет хвалебный лету
И солнца знойному лучу...
Но что рождает песню эту,
Восторг иль грусть, — не различу.

6 июля 1894, Ильиновка

* * *

Когда душа, расправив крылья,
Дерзает выпранный полет,
И я взнесусь не без усилия
Во область чистую высот, —
Как мяч, взлетевший ввысь невольно,
К земле я падаю, спеша;
И снова в узах жизни дольной
Задремлет грешная душа.

1895, Петербург

ИЗ ЦИКЛА
«ЛЕСОК ПРИ УСАДЬБЕ»
ВСТРЕЧА

Я в праздник, меж дубов, один бродя тоскливо,
С крестьянкой встретился. Румяна, молода,
Лицом приветлива, нарядна и красива,
Она, по ягоду зашедшая сюда,
Мне ягод поднесла. Я был ей благодарен.
Смеясь и бусами играя на груди,
Она мне молвила: «Один, скучаешь, барин?»
А я ответил ей печально: «Проходи».

1896

ЖИВОТНАЯ ПРОЗА И ДЕКАДЕНТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Одни — двуногое, пасущееся стадо,
Без дум, надежд и грез, которых людям надо.
Не зная ни тоски, ни порываний ввысь,
Они как бы в грязи для грязи родились.
Так есть животные, которым воспретила
Природа подымать к небесным высям рыла.
Другие — до того чуждаются земли,
Что в мир неведомый из нашего ушли.
Когда их над землей, как духов, носят крылья,
Они с своих высот, из рога изобилья
Нам сыплют песенок летучие листки.
И ропщем мы: «Зачем, рассудку вопреки,
Нам эти пряности и эти карамели,
Меж тем как досыта и хлеба мы не ели?»
Итак — две крайности. Когда одна из двух
Иль обе вместе наш пленять желают слух —
Та хрюканьем свиным, а эта птичьей песней, —
Решить я не берусь, из них что интересней —
Лишь люд бы людом был! Вот отповедь моя!
А птицей, и свиньей... уж птица и свинья.

1896

* * *

Так прочен в сердце и в мозгу
Высокий строй эпохи прошлой,
Что с современностию пошлой
Я примириться не могу.

Но я, бессильный, уж не спорю
И, вспоминая старину,

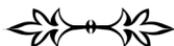
Не столь волнуясь и кляню,
Как предаюсь тоске и горю...

Что я?.. Певец былых кручин;
Скрижалей брошенных обломок;
В пустынном доме, в час потемок,
Я — потухающий камин.

То треск огня совсем затихнет,
Как будто смерть его пришла;
То дрогнет теплая зола
И пламя снова ярко вспыхнет.

Тогда тревожно по стенам
Толпой задвигаются тени
И лица прежних поколений
Начнут выглядывать из рам.

1898



**Константин Константинович
Случевский
(1837—1904)**

* * *

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А все как будто, бедная, тоскует,
И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Стони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему оне? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

1898

* * *

Не померяться ль мне с морем?
Вволю, всласть души?
Санки крепки, очи зорки,
Кони хороши...
И нечитанные версты
Понеслись назад,
Где-то, мнится, берег дальний
Различает взгляд.

Кони шибче, веселее
Мчат во весь опор...
Море места прибавляет,
Шире кругозор.

Дальше! Кони утомились,
Надо понукать...
Море будто шире стало,
Раздалось опять...

А нечитанные версты
Сзади собрались
И кричат, смеясь, вдогонку:
«Эй, остановись!»

Стали кони... Нет в них силы,
Клонят морды в снег...

Ну, пускай другой, кто хочет,
Продолжает бег!

И не в том теперь, чтоб дальше...
Всюду — ширь да гладь!
Вон как вдруг запорошило...
Будем умирать!

1898

* * *

Вконец окружены туманом прежних дней,
Все неподвижной мы, в желаньях тяжелей;
Все уже горизонт, беззвучнее мечты,
На все спускаются завесы и щиты...

Глядишь в прошедшее, как в малое окно;
Там все так явственно, так все озарено,
Там светят тысячи таинственных огней;
А тут — совсем темно и, что ни час, темней...

Весь свет прошедшего как бы голубоват.
Цвет взглядов юности! Давно погасший взгляд.
И сам я освещен сиянием зари...
Заря в свершившемся! Любуйся и смотри!..
Как ясно чувствую и как понятно мне,
Что жизнь была полней в той светлой стороне!
И что за даль видна за маленьким окном —
В моем свершившемся, чарующем былом!

Ведь я там был в свой час, но я не сознавал.
И слышу ясно я — мне кто-то прошептал:
«Молчи! Довольствуйся возможностью смотреть!
Но, чтоб туда пройти, ты должен умереть!»

1900

* * *

Пускай основы правды зыбки,
Пусть всё безумно в злобе дня, —
Доброжелательной улыбки
Им не лишить теперь меня!

Я дом воздвиг в стране бездомной,
Решил задачу всех задач, —
Пускай ко мне, в мой угол скромный,
Идут и жертва, и палач...

Я вижу, знаю, постигаю,
Что все должны быть прощены;
Я добр — умом, я утешаю
Тем, что в бессилье все равны.

Да, в лоно мощного покоя
Вошел мой тихий «Уголок» —
Взросший в грудях перегноя
Очаровательный цветок...

1895—1901

* * *

С простым толкую человеком...
Телега, лошадь, вход в избу...
Хвалю порядок в огороде,
Хвалю оконную резьбу.

Всё — дело рук его... Какая
В нем скромных мыслей простота!
Не может пошатнуться вера,
Не может в рост пойти мечта.

Он тридцать осеней и весен
К работе землю пробуждал;
Вопрос о том, зачем все это, —
В нем никогда не возникал.

О, как жестоко подавляет
Меня спокойствие его!
Обидно, что признание это
Не изменяет ничего...
Ему — раек в театре жизни,
И слез, и смеха простота;
Мне — злобы дня, сомненья, мудрость
И — на вес золота мечта!

1895—1901

* * *

Я мыслить жажду потому, что в этом —
Живой покой, святая тишина,
Все полно ясным, нетревожным светом,
В душе легко, и ясно даль видна!

И если мгла за некоторой гранью
Перед умом слегка скрывает даль, —
Страдать от этого немислимо сознанию:
Мне жаль, что — мгла, но мне спокойно жаль...

Тогда как в чувствах столько острой боли,
Такая мощь безумной толчеи
Терзаний духа и страданий воли —
Успокоенье только в забытии, —

Что все восторги страстных наслаждений,
Всех оргий чувств за время лучших лет

Не искупят безвременных мучений,
Всегда идущих оргиям вослед...

А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.

Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Другого не было пути...
И я прощу, и ты прости.

<1901>

* * *

Как? Опять Страшный суд! мне вослед, по пятам!
Но ведь это совсем невозможно!
Я в земле не лежал на поживу червям?
Это страшно, ужасно, безбожно...
А воскресшие шли от начальных начал,
От конечных концов приходили:
Громкий благовест в небе пылавшем звучал,
Солнца пели и звезды звонили!
И не видел я вовсе страдальческих лиц,
Что, бывало, в гробах поражали:
Все в молитвенном шествии падали ниц!
И, поднявшись, на небо взирали.
Грохот слышался всюду от глыб земляных,
Что валились в пустые могилы;
Треск от царских гробниц, в разрушении их
Повеленьем неведомой силы...
Разрушалась и Смерть. В ней погасла алчба,
Слух погас, затуманилось зренье,
Постигала ее каждой жизни судьба —
Прикоснулось весильное тленье!

Проходили вблизи ее сонмы людей,
Шел и я, все мы вдаль уходили...
Боль затихла в груди... Прежде было больней...
Но зачем вы глаза мне закрыли?
Ведь я вижу сквозь медь... Слышу говор людской...
Что-то жгучее дали мне! жгите!!!
А я все-таки буду опять сам собой...
Да! Я выпорхну! Ну-ка! Ловите!

1902

* * *

Умер я! Есть ощущения:
Не понять их, не познав
Новость первого мгновения!
Я окреп, нетленным став...
Ночь!.. Вдали земля туманная,
Мать всех в мире матерей,
Мне в былом обетованная
И очаг души моей!
Полуночица усталая,
Без меня несешься ты,
Вся больная, захудалая,
В стогнах вечной немоты...
А путям твоим и следу нет!
Но, кому бессмертным стать,
На тебе родиться следует,
На тебе и умирать!
Умер я... Там, в темной темени,
Ты мелькаешь огоньком...
Там есть смерть! Там царство времени!
Там родные мне, мой дом!
Уносись же, горе-странница,

Как корабль среди зыбей,
В мириадах звезд избранница
И очаг души моей.
Я отпетый, я отчитанный,
Молча вслед тебе смотрю,
И в трудах, в скорбях воспитанный,
Смерть пройдя, — благодарю...

1902

БЫТЬ ЛИ ПЕСНЕ?

Какая дерзкая нелепость
Сказать, что будто бы наш стих,
Утратив музыку и крепость,
Совсем беспомощно затих!

Конечно, пушкинской весной
Вторично внукам, нам, не жить:
Она прошла своей чредою,
И вспять ее не возвратить.

Есть весны в людях, зимы глянут
И скучной осени дожди,
Придут морозы, бури грянут,
Ждет много горя впереди...

Мы будем петь их проявленья
И вторить всем проклятьям их;
Их завыванья, их мученья
Взломают вглубь красивый стих...
Переживая злые годы
Всех извращений красоты, —

Константин Константинович Случевский

Наш стих, как смысл людской природы,
Обезобразишься и ты;

Ударясь в стоны и рыдания,
Путем томления пройдешь.
Минуешь много лет страдания —
И наконец весну найдешь!

То будет время наших внуков,
Иной властитель дум придет...
Отселе слышу новых звуков
Еще не явленный полет.

1903



**Владимир Сергеевич
Соловьев
(1853—1900)**

* * *

Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает.

1872

* * *

В сне земном мы тени, тени...
Жизнь — игра теней,
Ряд далеких отражений
Вечно светлых дней.

Но сливаются уж тени,
Прежние черты
Прежних ярких сновидений
Не узнаешь ты.

Серый сумрак предрассветный
Землю всю одел:
Сердцем вещим уж приветный
Трепет овладел.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ СОЛОВЬЕВ

Голос вещей не обманет.
Верь, проходит тень, —
Не скорби же: скоро встанет
Новый вечный день.

9 июня 1875

* * *

Вся в лазури сегодня явилась
Преодо мною царица моя, —
Сердце сладким восторгом забилося,
И в лучах восходящего дня
Тихим светом душа засветилась,
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня.

1875

* * *

Земля — владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.
В полуденных лучах такую негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.
И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

Пустынька. Май 1886

* * *

Три дня тебя не видел, ангел милый, —
Три вечности томленья впереди!
Вселенная мне кажется могилой,
И гаснет жизнь в измученной груди.

А я, безумец, пел, что горе пережито,
Что поздняя любовь несет одни цветы...
Поникло разом все в душе моей убитой,
И крылья вырваны у радужной мечты.

О милая! Все гордое сознание,
Все гордые слова твой друг отдать готов
За мимолетный миг хоть одного свиданья,
За звук один возлюбленных шагов.

31 января 1892

* * *

Потому ль, что сердцу надо
Жить одним, одно любя,
Потому ль, что нет отрады
Не отдавшему себя;

Оттого ли, что судьбою
Наши сблизились пути
И с тобой, тобой одною,
Мог я счастье найти, —

Оттого ли, потому ли, —
Но в тебе, в тебе одной
Безвозвратно потонули
Сердце, жизнь и разум мой.

Между 9 и 15 июня 1892

* * *

Там, где семьей столпились ивы
И пробивается ручей
По дну оврага торопливо,
Запел последний соловей.

Что это? Радость обновления
Иль безнадежное прости?..
А вдалеке неслось движенье
И гул железного пути.

И небо высилось ночное
С невозмутимостью святой
И над любовьию земною,
И над земною суетой...

16 июня 1892

* * *

День прошел с суетой беспощадною.
Вкруг меня благодатная тишь,
А в душе ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздельно паришь.

Все порывы и чувства мятежные,
Злую жизнь, что кипела в крови,
Погловило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви.

Днем луна, словно облако бледное,
Чуть мелькнет белизною своей,
А в ночи — перед ней, всепобедною,
Гаснут искры небесных огней.

1892

ПАНМОНГОЛИЗМ

Панмонголизм! Хоть слово дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно.

Когда в растленной Византии
Остыл Божественный алтарь
И отреклся от Мессии
Иерей и князь, народ и царь, —

Тогда он поднял от Востока
Народ безвестный и чужой,
И под орудьем тяжким рока
Во прах склонился Рим второй.

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И всё твердят льстецы России:
Ты — третий Рим, ты — третий Рим.

Пусть так! Орудий Божьей кары
Запас еще не истощен.
Готовит новые удары
Рой пробудившихся племен.

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.

Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ СОЛОВЬЕВ

Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

1 октября 1894

* * *

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

<1895>

DAS EWIG-WEIBLICHE¹

Слово увещательное к морским чертям

Черти морские меня полюбили,
Рыщут за мною они по следам:
В Финском поморье недавно ловили,
В Архипелаг я — они уже там!

Ясно, что черти хотят моей смерти,
Как и по чину прилично чертям.
Бог с вами, черти! Однако, поверьте,
Вам я себя на съеденье не дам.

Лучше вы сами послушайтесь слова, —
Доброе слово для вас я припас:
Божьей скотинкою сделаться снова,
Милые черти, зависит от вас.

Помните ль вы, как у этого моря,
Там, где стоял Амафунт и Пафос,
Первое в жизни неожиданное горе
Некогда вам испытать довелось?

Помните ль розы над пеною белой,
Пурпурный отблеск в лазурных волнах?
Помните ль образ прекрасного тела,
Ваше смятенье, и трепет, и страх?

Та красота своей первою силою,
Черти, недолго была вам страшна;
Дикую злобу на миг укротила,
Но покорить не умела она.

¹ Вечная Женственность (нем.).

В ту красоту, о коварные черти,
Путь себе тайный вы скоро нашли,
Адское семя растленья и смерти
В образ прекрасный вы сеять могли.

Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилося с пучиною вод.

Все, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, —
Все совместит красота неземная
Чище, сильней, и живей, и полней.

К ней не ищите напрасно подхода!
Умные черти, зачем же шуметь?
То, чего ждет и томится природа,
Вам не замедлить и не одолеть.

Гордые черти, вы все же мужчины —
С женщиной спорить не честь для мужей.
Ну хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорей!

8—11 апреля 1898, Архипелаг

У СЕБЯ

Дождались меня белые ночи
Над простором густых островов...
Снова смотрят знакомые очи,
И мелькает бывшее без слов.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В царство времени все я не верю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать «навсегда» — не могу.

При мерцании долгом заката,
Пред минутной дремотою дня,
Что погиб его свет без возврата,
В эту ночь не уверишь меня.

Июнь 1899



**Иннокентий Федорович
Анненский
(1856—1909)**

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

1901

ОСЕННИЙ РОМАНС

Гляжу на тебя равнодушно,
А в сердце тоски не уйму...
Сегодня томительно душно,
Но солнце таится в дыму.

Я знаю, что сон я лелею,
Но верен хоть снам я, — а ты?..
Ненужною жертвой в аллею
Падут, умирая, листья...

Судьба нас сводила слепая:
Бог знает, мы свидимся ль *там...*
Но знаешь?.. Не смейся, ступая
Весною по мертвым листьям!

1903

Поэзия

Над высью пламенной Синая
Любить туман Ее лучей,
Молиться Ей, Ее не зная,
Тем безнадежно горячей,

Но из лазури фимиама,
От лилий праздного венца,
Бежать... презрев гордыню храма
И славословие жреца,

Чтоб в океане мутных далей,
В безумном чаяньи святынь,
Искать следов Ее сандалий
Между заносами пустынь.

<1904>

Двойник

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

В сомненьи кипит еще спор,
Но, слиты незримой четою,
Одной мы живем и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.

Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний.
Но чем я глядел неустанней,
Тем ярче себя ж узнавал.

Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...

И в мутном круженьи годин
Все чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?

<1904>

СВЕЧКА ГАСНЕТ

В темном пламени свечи
Зароившись как живые,
Мигом гибнут огневые
Брызги в трепетной ночи,
Но с мольбою голубые
Долго теплятся лучи
В темном пламени свечи.

Эх, заснуть бы спозаранья,
Да страшат набеги сна,

Как безумного желанья
Тихий берег умиранья
Захлестнувшая волна.
Свечка гаснет. Ночь душна...
Эх, заснуть бы спозаранья...

<1904>

ЛИСТЫ

На белом небе все тусклей
Златится горняя лампада,
И в доцветании аллей
Дрожат зигзаги листопада.

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Всё то же наше чувство страха?

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее я?

<1904>

В ДОРОГЕ

Перестал холодный дождь,
Сизый пар по небу вьется,
Но на пятна нив и рощ
Точно блеск молочный льется.

Иннокентий Федорович Анненский

В этом чайные утра
И предчувствии мороза
Как у черного костра
Мертвы линии обоза!

Жеребчатый дробный бег,
Пробы первых свистов птичьих,
И кошмары снов мужичьих
Под рогожами телег.

Тошно сердцу моему
От одних намеков шума:
Все бы молча в полутьму
Уводила думу дума.

Не сошла и тень с земли,
Уж в дыму овины тонут,
И с бадьями журавли,
Выпрямляясь, тихо стонут.

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть.

<1904>

ТРИЛИСТНИК СУМЕРЕЧНЫЙ

I

СИРЕНЕВАЯ МГЛА

Наша улица снегами залегла,
По снегам бежит сиреневая мгла.

Мимоходом только глянула в окно,
И я понял, что люблю ее давно.

Я молил ее, сиреневую мглу:
«Погости-побудь со мной в моем углу,

Не мою тоску ты давнюю развей,
Поделись со мной, желанная, своей!»

Но лишь издали услышал я ответ:
«Если любишь, так и сам отыщешь след,

Где над омутом синее тонкий лед,
Там часочек погощу я, кончив лёт,

А у печки-то никто нас не видал...
Только те мои, кто волен да удал».

2

ТОСКА МИМОЛЕТНОСТИ

Бесследно канул день. Желтея, на балкон
Глядит туманный диск луны, еще бестенной,
И в безнадежности распахнутых окон,
Уже незрячие, тоскливо-белы стены.

Сейчас наступит ночь. Так черны облака.
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там все, что прожито, — желанье и тоска,
Там все, что близится, — унылость и забвенья,

Здесь вечер как мечта: и робок и летуч,
Но сердцу, где ни струн, ни слез, ни ароматов,
И где разорвано и слито столько туч...
Он как-то ближе розовых закатов.

Лето 1904, Ялта

3

СВЕЧКУ ВНЕСЛИ

Не мерещится ль вам иногда,
Когда сумерки ходят по дому,
Тут же возле иная среда,
Где живем мы совсем по-другому?

С тенью тень там так мягко слилась,
Там бывает такая минута,
Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто.

И движеньем спугнуть этот миг
Мы боимся, иль словом нарушить,
Точно ухом кто возле приник,
Заставляя далекое слушать.

Но едва запылает свеча,
Чуткий мир уступает без боя,
Лишь из глаз по наклонам луча
Тени в пламя сбегут голубое.

<1906>

ПЕТЕРБУРГ

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где *вы* и где *мы*,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?

Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

1909

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю замирание эхо
После бешеной тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха
Я истомы люблю полосу.

Иннокентий Федорович Анненский

Зимним утром люблю надо мною
Я лиловый разлив полутьмы,
И, где солнце горело весною,
Только розовый отблеск зимы.

Я люблю на бледнеющей шири
В переливах растаявший цвет...
Я люблю все, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

БАБОЧКА ГАЗА

Скажите, что случилось со мной?
Что сердце так жарко забилося?
Какое безумье волной
Сквозь камень привычки пробилось?

В нем сила иль мука моя,
В волнении не чувствую сразу:
С мерцающих строк бытия
Ловлю я забытую фразу...

Фонарь свой не водит ли тать
По скопищу литер унылых?
Мне фразы нельзя не читать,
Но к ней я вернуться не в силах...

Не вспыхнуть ей было невмочь,
Но мрак она только тревожит:
Так бабочка газа всю ночь
Дрожит, а сорваться не может...

* * *

Когда б не смерть, а забытье,
Чтоб ни движения, ни звука...
Ведь если вслушаться в нее,
Вся жизнь моя — не жизнь, а мука.

Иль я не с вами таю, дни?
Не вяну с листьями на кленах?
Иль не мои умрут огни
В слезах кристаллов растопленных?

Иль я не весь в безлюдье скал
И черном нищенстве березы?
Не весь в том белом пухе розы,
Что холод утра оковал?

В дождинках этих, что нависли,
Чтоб жемчугами ниспадать?..
А мне, скажите, в муках мысли
Найдется ль сердце сострадать?

СНЕГ

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенски синий
И заплаканный лед!